

Восстание шедевров

81 год назад, 4 марта 1923-го, умер наш земляк, замечательный скульптор Александр Михайлович Опекушин. Родился в заволжской деревне Свечкино, там же, в нескольких километрах от нее, в Рыбницах, умер и похоронен. В его жизни были и крестьянское детство, и памятник Пушкину в Москве, и памятники царям, и слава одного из выдающихся скульпторов России, и годы забвения.

Сейчас в Рыбницах восстанавливается дом бывшей опекушинской лепной школы, где будет музей. Он создается как филиал Ярославского художественного. Его директор Ирина Зенкина тем временем продолжает по крупичкам собирать все, что имеет отношение к памяти Александра Михайловича Опекушина, — в архивах и библиотеках, в воспоминаниях и письмах и, конечно, в Петербурге и Москве, где осталось больше всего его творений или прослеживаются их следы.

Недавно она участвовала в семинаре, организованном Мини-

— Когда мне говорят, что этот монумент утопили, я, честно говоря, не очень в это верю. Ведь он действительно бронзовый, а это и тогда был очень ценный и очень дефицитный металл. Сбрасывали колокола с церквей, памятники царям, и все они шли на переплавку. Да, был опекушинский памятник тому же Алек-

Великий князь Николай Александрович.

одно произведение Опекушина, судьба которого долго оставалась неизвестной.

Во время той же командировки в Петербург Ирина Ивановна впервые побывала в мастерской Опекушина. Тут же рядом, на улице Попова, — дом, где жил скульптор. Дом, правда, весь перестроен, и где именно была его квартира, а тем более, как она выглядела, уже трудно сказать. А вот мастерская сохранилась в неприкосновенности, в том самом виде, что и при жизни Опекушина. Больше того, здесь и сейчас мастерские, где работают монументалисты. Высоченный стеклянный верх, внутри характерный для профессии такого рода беспорядок. При взгляде снаружи создается впечатление, что помещение вообще не используется, да и дверь всегда заперта. Но оказывается, скульпторы, которые здесь работают, таким способом охраняют свой покой, а для того чтобы окончательно уберечь здание от покушения потенциальных «инвесторов», укрепили и на нем памятную доску, сообщающую, что здесь Опекушин работал над памятником Пушкину.

Примерно в то же время дал о себе знать еще один опекушинский памятник: в Ярославский художественный музей на имя Ирины Зенкиной пришло письмо из Эстонии. Некий Ильмари Лаhti пишет, что, изучая жизнь Карла Бэра, «человечнейшего из людей и крупнейшего ученого, вышел на имя А. М. Опекушина»: памятник Бэру работы Опекушина установлен в Тарту. «В бытовом плане трагичная жизнь Опекушина, его кончина, забвение его государством посадили в мою душу огромную занозу...»

Так обозначилась тоненькая ниточка из Эстонии, из Тарту, в Ярославль. Впрочем, такая ли тоненькая? Точнее сказать, наверное, истончившаяся за прошедшие годы, но никогда не прерывавшаяся.

Карл Максимович Бэр, почти ровесник Пушкина, правда, переживший его на сорок лет, был одним из выдающихся натуралистов XIX века. Окончил медицинский университет Дерптского (Тартуского) университета, профессор зоологии и анатомии Кенигсбергского университета. Славу Бэру создали исследования зародышевого развития животных. Он основатель эмбриологии, член-корреспондент и академик Петербургской академии наук, соратник и единомышленник Н. И. Пирогова. И еще участник нескольких, как сейчас бы сказали, экстремальных экспедиций — на Новую Землю, острова Финского залива, в Лапландию, один из учредителей Российского географического общества.

Иначе говоря, человек, который равно принадлежит как Эстонии, так и России.

На стыке истории двух народов находится и город Тарту, бывший Юрьев, возникший, по словам историка Ключевского, среди прибалтийской чужды при князе Ярославле Мудром и получивший свое первое, изначальное имя по христианскому имени Ярослава.

Выходит, наш город и город Тарту — родственники, причем очень близкие. Ирина Ивановна считает, что самой судьбой определено, чтобы Ярославль и Тарту стали побратимами. А то, что этого не произошло до сих пор, просто недоразумение.

— Неправда, что все там смотрят на нас косо. Свидетельство тому — письма Ильмари Лаhti. Смотри, как хорошо он пишет об Опекушине: «Он близок мне не только как прекрасный скульптор, создавший портреты дорогих мне людей, но и тем, что причиненная ему боль и несправедливость вызывают во мне ответственную глубокую боль». А дальше надежда, что это письмо «послужит на благо всем нам и памяти любимых нами людей, раскрывая наши сердца и души благим порывам и делам, создавая баланс между «брать» и «отдавать», объединяя и приумножая наши силы». Прекрасно, правда?

81 год после смерти Опекушина не прошел даром, считает Ирина Зенкина. Имя его и его произведения постепенно возвращаются к нам, занимая принадлежащее им по праву место в истории отечественной культуры. Показательна эпопея с доставкой в Москву из Еревана скульптуры Екатерины II работы Опекушина, которая считалась безнадежно утерянной. На днях Ирине Ивановне позвонили из Москвы: Екатерина уже в фондах Третьяковской галереи — после более чем полувекового отсутствия.

Переговоры с армянской стороной шли на самом высоком уровне, московские власти вели их с представителями министерства культуры Армении, дирекцией национального музея, в них участвовал посол Российской Федерации в Армении.

Рабочая группа обеспечила бережную доставку скульптуры, вес ее ни много ни мало 3,5 тонны, да к тому же изготовлена она из хрупкого мрамора. Екатерина прилетела на самолете, в специальном ящике-саркофаге, устланном песком. После «лечения» у реставраторов она займет свое законное место в восстановленном зале прежней Московской городской думы.

Что и говорить, у мэра Лужкова есть чему поучиться. В том числе и отношению к имени Опекушина. К сожалению, на родной Ярославской земле Опекушин — лишь один из многих. Конечно, то, что он вписан с недавних пор в перечень наших знатных земляков, — уже достижение. И то, что на восстановление опекушинской лепной школы в селе Рыбницы какие-никакие деньги регулярно теперь выделяются, тоже хорошо. Только уж больно маленькие деньги, и сколько лет понадобится на окончание работ — неизвестно. Дай бог сил и терпения руководителю строительно-восстановительных работ Дмитрию Германовичу Майорову, который дал слово, что доведет этот объект до завершения — в память о своем отце, ярославском краеведе Германе Дмитриевиче Майорове, в знак уважения к другим своим предкам, несколько поколений которых верно служили Ярославскому краю — кто оружием, кто пером, кто другим искусством. Может быть, такого уважения со стороны власти предерживающей и не хватает?

Татьяна ЕГОРОВА.

Памятник Бэру в Тарту.

стерством культуры на базе Русского музея для музейщиков «скульптурного профиля», и по возвращении поделилась с «Северным краем» тем, что узнала и увидела.

В Русском музее, рассказывает она, собрана самая большая коллекция работ А. М. Опекушина: гипсовые барельефы, бронзовые модели и эскизы памятников, стоявших когда-то во многих городах России, в том числе авторская модель памятника Александру II, установленного в 1914 году в Рыбинске. Некоторые из этих экспонатов служат образцами для восстановления уничтоженных монументов, которые в последнее время, когда имя Опекушина стало выходить из забвения, все чаще возвращаются на свои места. Так произошло, например, с памятниками Муравьеву-Амурскому в Хабаровске, сахарозаводчику Харитоненко в городе Сумы. Что касается Рыбинска, то здешний архитектор Семенов считает, что можно поступить еще проще — поднять бронзового Александра II, который якобы покоится на дне Волги. Ирина Ивановна сомневается:

сандру II в Новой Ладге, который сбросили в реку Волхов, но он был из другого сплава. Известны еще работы Опекушина из менее ценных материалов, но рыбинский-то был из бронзы!

А вот за бюстом цесаревича Николая Александровича нырять на дно речное и вовсе не потребовалось. Как выяснилось во время той же командировки в Петербург, он, считавшийся у многих исследователей без вести пропавшим, благополучно хранился совсем рядом. Старший сын Александра II Николай Александрович (Никс, как его звали домашние) должен был вступить на русский престол после отца, но умер молодым, уступив дорогу будущему Александру III.

Его бюст работы Опекушина был установлен в Екатерининском парке Царского села, а после войны пропал. К счастью, как узнала Ирина Ивановна, он оставался в фондах Царскосельского музея-заповедника, пока недавно не был размещен на выставке, посвященной Александру II. Как выяснилось, такая же отливка есть в фондах Эрмитажа. Так ярославцы «нашли» еще